

Глава V

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ

Существуют одновременно глубокий смысл и ирония в том, что идея и программа ЮНЕСКО «Культура мира» нашли столь много энтузиастов-последователей в России и в других странах бывшего СССР. Смысл состоит в том, что постсоветские общества переживают глубокие трансформации с целью уйти от социального порядка, который был построен на насилии, милитаризме и пренебрежении к правам человека. Но в ходе этих трансформаций сохраняется мощная инерция старых противостояний, появляются новые геополитические соперничества, рождаются новые нетерпимость и конфликты. Это не ставит под сомнение как выбор в пользу реформ, так во многом случайные и сумбурные геополитические преобразования последнего десятилетия. Это лишь означает, что путь к демократическому и более благополучному обществу гораздо более сложен. Что как старый, так и новый мир, — это не мир одних только поборников всеобщего процветания, равенства и их внешних искренних радетелей. Это мир гораздо более сложных чувств, интересов и установок на индивидуальном и коллективном уровне, которые делают полное устранение насилия и утверждение культуры мира недостижимыми, хотя и неизменно желанными.

Одним из главных преград на этом пути оказываются неумение политиков и общества в целом перейти от самонадеянности силы к культуре согласия, избежать конфликтов и войн, предотвратить социальные кризисы. В этой ситуации культура мира и согласия как осознанная общественная стратегия и программа действий крайне актуальны и могут принести положительный результат. Не менее важна профессиональная реакция ученых и политиков на проявления различных форм современного экстремизма, под которым мы понимаем любые формы идеологических, этнических, религиозных, расовых, социальных и других коллективистских идеологий и практик, имеющих цель разрушить существующий государственно-правовой порядок и морально-общественные основы человеческих коллективов. Толерантность и экстремизм — это два антипода, но пребывающие в постоянном симбиозе и одновременный анализ этих явлений или политических проектов (как в случае с программой «Культура мира») вполне уместен. В данной главе мы не разбираем детально природу открыто насильственных форм экстремизма, ибо феномену насилия посвящена отдельная глава.

Толерантность как основа культуры мира

Как известно, 1995 год был провозглашен Организацией Объединенных Наций годом, посвященным *толерантности* (возможно адекватнее употребление более исконного русского слова — *терпимость*, хотя определенная и даже существенная разница между данными словами нами будет отмечена выше). Инициатором этого решения была организация ЮНЕСКО, а основным поборником — тогдашний Генеральный секретарь Федерико Майор. Основанием для этой акции стала озабоченность существованием и даже ростом ряда серьезных угроз для мирной жизни человеческих сообществ и международной стабильности в целом. Среди этих глобальных вызовов были названы прежде всего следующие:

- этнонациональные конфликты;
- дискриминация в отношении меньшинств;
- акты ксенофобии, особенно против беженцев и мигрантов;
- деятельность расистских организаций и акты расового насилия;
- религиозный экстремизм;

насилие и гонения против интеллигенции и других лиц, исповедующих свободу мнений и их выражения;

нетерпимость со стороны политических движений и идеологий;

нетерпимость, выраженная в маргинализации и исключении из общества уязвимых групп или в дискриминации и насилии против этих групп¹.

Нетерпимость действительно превратилась в одну из крупнейших глобальных проблем современного мира. Ее суть заключается в отрицании и подавлении различий между отдельными людьми и культурами. Возведенная на уровень коллективной и даже государственной позиции, нетерпимость подрывает принципы демократии и приводит к нарушению индивидуальных и коллективных прав человека. Нетерпимость выступает противником многообразия, которое составляет важнейший обогащающий фактор человеческого развития.

Различия между культурами и людьми могут вызывать разногласия и даже противоречия: это — естественные последствия демократии и плюрализма. Но использование силы для разрешения таких противоречий или для навязывания отличительных взглядов и позиций являются неприемлемыми. Исходя из этих основных постулатов, ЮНЕСКО в пятидесятилетнюю годовщину своего существования напомнила миру о тексте преамбулы своей Конституции: «Поскольку войны начинаются в умах людей, то и с умов людей должно начинаться созидание мира»².

Современный мир, переживая глубокие социальные и геополитические трансформации после окончания холодной войны и распада коммунистического блока, нуждается в более адекватном осознании возможностей и опасностей существующей ситуации. Необходимы новые экспертизы и новые инициативы, чтобы содействовать становлению индивидуальной и коллективной ответственности, а также более эффективных институтов, чтобы не допустить царства анархии и насилия на рубеже XXI века. По этой причине государства бывшего СССР и прежде всего Россия активно включились в программу культуры мира. В июне 1995 года в г. Якутске прошла одна из основных международных конференций года толерантности, материалы которой были опубликованы вместе с рядом книг, изданных якутскими специалистами³. Был издан сборник статей как

прототип учебника по культуре мира и демократии⁴. В России при некоторых научно-исследовательских институтах и вузах возникли центры и кафедры по проблемам культуры мира. При всем при этом ощущается недостаток историко-философской и культурно-антропологической проработки самого понятия и социального феномена толерантности и нетерпимости, что грозит превратить важную общественную акцию в подобие советских школьных «уроков мира», которые практиковались доброе десятилетие без какой-либо ощутимой эффективности для общества. Данная глава книги представляет собою попытку хотя бы отчасти заполнить данный пробел.

О природе толерантности и нетерпимости

Ключевым принципом программы «Культура мира» объявлено утверждение культуры терпимости в контексте общедемократических преобразований. Как бы не различались государственные устройства, политическая и культурная традиция, существует некое общее понимание таких категорий, как толерантность и согласие. Словарь английского языка определяет толерантность как «готовность и способность принимать без протеста или вмешательства личность или вещь»⁵. Советский энциклопедический словарь дает одно из определений толерантности как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению»⁶. Толерантность — это не одно и то же, что терпение или терпеливость. Если терпение выражает чаще всего чувство или действие со стороны испытывающего боль, насилие или другие формы негативного воздействия, то терпимость заключает в себе уважение или признание равенства других и отказ от доминирования или насилия. *Терпимость — это свойство открытости и свободного мышления. Это — личностная или общественная характеристика, которая предполагает осознание того, что мир и социальная среда являются многомерными, а значит, и взгляды на этот мир различны и не могут и не должны сводиться к единообразию или в чью-то пользу.*

Толерантный подход, как и толерантная личность, предполагает, что те или иные позиция и взгляд лишь одни из многих и не могут включать в себя все остальные. Эта ситуация не зависит от состояния или обладания знанием, а в равной мере и от социальной и

политической позиции. Толерантная позиция и толерантная личность способны или хотя бы готовы допустить это различие и быть сторонником плюрализма. Собственно говоря, сама природа и проблема толерантности связаны с существованием различий и противоречий, а также возможностью конфликта. Но толерантность позволяет этой возможности не только не реализоваться, но даже и проявиться. *Будучи порождением потенциальной конфликтности, толерантность не позволяет реально существующим в каждом обществе явлениям неравенства, состязательности и доминирования проявиться в манифестных и насильственных формах.*

Толерантность не является универсальной категорией: ее содержание и границы, а также число адептов среди рядовых граждан и активистов социального пространства различаются не только в историческом аспекте, но и в зависимости от культурной традиции, состояния общества и многих других факторов. Другими словами, терпимость к инаковости не является вневременной категорией и биосоциальной характеристикой человека и общества. Это есть приобретаемая и намеренно культивируемая личностная установка и коллективная позиция как реакция и условие существования сложных обществ. Это есть проявление зрелости и жизненности человеческих коллективов, государственных и политических образований, а также международного сообщества в целом. Но было бы проявлением нетерпимости попытаться конституировать единое представление о границах толерантности. В одной культуре и политической традиции приемлемым может быть то, что в других условиях является неприемлемым. В одной социальной ситуации человек способен на проявление высокой степени толерантности, в другой — он может лишь быть обречен на терпение, не имея ресурсов, как материальных, так и эмоциональных, чтобы демонстрировать терпимость.

Толерантность — не есть панацея от всех человеческих пороков и социальных болезней, ибо ей постоянно противостоит нетерпимость к инаковости, в том числе в ее агрессивных формах. Терпимость — это не вседозволенность и всепрощение; она должна заключать в себе и активное действие, особенно в отношении крайних форм нетерпимости. Толерантность может сохранять и защищать себя путем подавления манифестной нетерпимости. Но было

бы упрощением сводить толерантность только к принятию комплиментарных позиций или «иной толерантности». *Сила и смысл современного содержания этого понятия должны заключать в себе в том числе терпимость к нетерпимому, если последнее не имеет целью разрушить сами основы толерантности, а тем более если это нетерпимое не обладает властью и ресурсом реализовать свою установку путем нанесения явного ущерба личности и обществу. Подавление частных и «мягких» форм нетерпимости от имени и во имя утверждения толерантности может означать конец самой концепции и политики толерантности.*

Толерантность находит свое выражение в двух основных сферах: на психологическом уровне — как внутренняя установка и отношение личности и коллектива и на политическом уровне — как действие или осуществляемая через закон и традицию общественная норма. *Как установка, толерантность должна носить характер добровольного индивидуального выбора; она не навязывается, а приобретается через воспитание, информацию и личный жизненный опыт. Как действие, толерантность — это активная позиция самоограничения и намеренного невмешательства, это добровольное согласие на взаимную терпимость разных и противостоящих в несогласии субъектов.* Толерантность в политическом действии предполагает или незамечание (игнорирование), или утверждение превосходства одной из сторон путем убеждения, дискуссии и завоевания на свою сторону через аргументацию и демократическую процедуру большего числа сторонников. Толерантная установка и действие могут не совпадать в своих проявлениях на уровне личности и общества и даже на уровне отдельной личности. Мужчина и женщина могут быть адвокатами смешанных браков и расового равенства, но как родители оказаться неспособными принять брачный выбор своего сына или дочери из представителя другой расы или религии. В публичных (внешних) действиях человек, группа или политическая коалиция могут быть адвокатами и исполнителями проектов нетерпимости, но на уровне внутренней установки и частного действия демонстрировать противоположное.

Ключевым моментом в природе толерантности и в возможности ее осуществления является характер субъекта толерантности. Кто способен на толерантность как установку и как действие? Толь-

ко образованные интеллектуалы, материально благополучные и те, кто обладает влиянием и властью, или здесь нет жесткой корреляции? Что такое толерантная личность и какие условия ее производят? Один из видных специалистов по данной проблеме так сформулировала необходимое интеллектуальное условие толерантности: «субъект толерантности должен достичь минимального предела умственной эволюции, которая позволяет биологически оформить концепт предполагаемого объекта толерантности»⁷. Это означает, что толерантный субъект не может быть примитивной личностью, но это совсем не означает, что интеллектуальность усиливает и гарантирует толерантность. Нетерпимость, особенно в ее наиболее изощренных и доктринальных формах, чаще всего является результатом усилий интеллектуалов. Они же обеспечивают эмоциональную мобилизацию, производя риторику ненависти и поставляя рациональные аргументы для разных форм нетерпимости, включая насилие.

Поверхностные сочинения интеллектуалов и декларации политиков часто примитивизируют проблему толерантности, объявляя последнюю неким всеобщим свойством культуры одной какой-либо группы или народа, как бы распространяя это свойство на всех представителей этой группы и отказывая в таком же свойстве другим. Серьезная наука не установила факта толерантности одного народа и нетолерантности другого и не может разделять внешне привлекательную риторику о «традиционно русской» или «традиционно якутской» толерантности. *Толерантность — это не врожденное групповое или индивидуальное свойство, а постоянное и направленное усилие на конструирование и осуществление определенных личностных и общественных ценностей и норм поведения.* Общественная толерантность есть сумма индивидуальных толерантностей, когда личность культивирует в себе установку на самоограничение, согласие и сотрудничество и когда общество всячески поощряет эту установку, особенно через образование и целенаправленную педагогику толерантности. Как в свете этих общих подходов представляется ситуация в постсоветском пространстве, в том числе и в Российской Федерации?

Постсоветский контекст

Далеко не все вышеперечисленные формы нетерпимости проявились в манифестных формах на территории бывшего СССР. В силу более высокой степени расовой гомогенности населения и отсутствия традиции расовой сегрегации и апартеида в этом регионе мира нет открытых форм расизма и актов расового насилия. Тем не менее фенотипические различия, т.е. физический облик людей, оказывают влияние на культурные дистанции и межнациональные отношения. Этот фактор влияет на ужесточение этнических границ между группами населения и часто служит основой для формирования негативных стереотипов и актов дискриминации. Вариантом расовой нетерпимости можно считать широко распространившийся в средствах массовой информации и даже на бытовом уровне стереотип о «лицах кавказской национальности» как криминальных элементах и нежелательных чужаках. Это привело к ряду насильственных акций и столкновений между представителями славянских и кавказских национальностей в некоторых российских городах в прошлые годы.

На этой же основе осуществлялись незаконные действия в отношении части граждан местными, в том числе московскими властями. Однако в целом уровень межрасовой и межэтнической терпимости в России остается достаточно высоким, о чем свидетельствует большая доля смешанных браков, отсутствие пространственной сегрегации в местах жительства, интенсивная личностная и трудовая коммуникация. Научные замеры этногрупповых установок в ряде республик подтвердили существование климата межэтнической толерантности и на личностном уровне, несмотря на сложную социальную ситуацию и воспаленную агитацию экстремистских элементов и групп⁸.

Новая Россия не может быть отнесена к категории государств, где существует открытая дискриминация этнических и религиозных меньшинств. Все группы признаются государством, а вместе с этим их права на сохранение культуры и целостности. Большинство нерусских народов имеет высокий статус территориальных автономий в районах их основного расселения. В российских республиках обеспечиваются экономические, социальные и политические условия для воспроизводства культур и для обеспечения прав и запросов граждан, основанных на их чувстве принадлежности к той или иной

национальности. В федеральных представительных органах власти в достаточной мере отражается сложный состав населения государства. Утверждение подлинного федерализма, в том числе в асимметричных формах, отражает толерантную природу самой доктрины государственного устройства Российской Федерации и ее конституционных основ. Идет сложный поиск новых законодательных норм, которые дополнительно гарантировали бы права граждан, принадлежащих к этническим, языковым и религиозным меньшинствам. В 1999 г. был принят федеральный закон «О гарантиях и защите прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и была ратифицирована рамочная конвенция ОБСЕ «О правах национальных меньшинств». Приняты законы и государственные программы относительно сохранения культурного многообразия в российских республиках, но они, как правило, отражают озабоченности и полу-утопические проекты местных этнонационализмов (адыгского, башкирского, бурятского и т. п.) наподобие репатриации всех соплеменников «коренной нации» на «исторической родине».

В сфере культуры и образования сохраняются некоторые бесспорные достижения прошлых десятилетий, несмотря на трудности трансформационных процессов. К ним прибавились демократические по духу федеральные законы об образовании и об языке, особенно «Закон о языках народов Российской Федерации» 1991 г. вместе с последующими важными поправками 1998 г. Согласно последнему закону, «государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия»⁹. Законодательная база России в области этнокультурных, религиозных и языковых прав выгодно отличается от законодательств и реальной практики в других постсоветских государствах¹⁰.

Несмотря на сравнительно низкий уровень материальных условий жизни, Россия, как и большинство других постсоветских государств, не могут быть отнесены к регионам массовой социальной депривации, которая служит питательной почвой и одной из главных причин для проявлений нетерпимости и насилия. В этих обществах сохраняется высокий уровень социальной эгалитарности, отсутствуют явления массовой бедности (за исключением некоторых сельских районов государств Центральной Азии) и действуют сис-

темы социального обеспечения и гарантий. В тоже время инерция коммунистической доктрины и существовавшей социальной практики, основанной на примитивном коллективизме и отрицании значимости личности, продуцируют в условиях переходного периода нетерпимость к здоровому индивидуализму, частной собственности и предпринимательству, личному успеху и преуспеванию. Многие граждане, особенно представители старших поколений и других уязвимых групп, оказались психологически и материально не готовы к восприятию радикальных перемен, а вместе с ними — и новых ценностей и возможностей. Это вызывает отчуждение и недовольство значительной части общества, провоцирует манифестные формы социального и политического поведения, вызывает состояния депрессии, отчаяния и ненависти. Результатом становятся обостряющиеся межпоколенные отношения, акты осуждения и даже подавления частного успеха, отразившиеся в негативном понятии «новые русские».

В свою очередь сторонники либерализации и глубоких общественных реформ, в том числе и властные структуры, столкнулись с трудно контролируемой проблемой обеспечения гармоничного управления. Толерантность и радикальные изменения оказались во многом несовместимыми: первая основана на признании и невмешательстве; вторые — на отрицании статус-кво и утверждении нового и иного. Преуспевающие в бизнесе оказываются неспособными к самоограничению, гражданской солидарности и уважительности к другим. Получившие власть демонстрируют нетерпимость к своим предшественникам и вызывающие самонадеянность, пренебрежение к законам, личную алчность и нескромность. Освобожденная от политического контроля культура и информация не смогли столь быстро сформировать этику самоограничения и толерантности, уступая мощным штампам насилия и другим формам коммерческого примитива. Особенно деструктивную роль средства массовой информации, не имеющие общеразделяемого этического кодекса, сыграли в освещении конфликтных ситуаций, особенно войны в Чечне, когда усилиями журналистов произошла героизация сторонников насильственного захвата власти и определения политического порядка силой оружия.

В стране сохраняются негативные последствия политики прошлых режимов в отношении недоминирующих групп и меньшинств, а также появились новые проблемы в результате экономической и политической либерализации и геополитических изменений. В многоэтнической России пока не утвердилась наиболее приемлемая и прогрессивная доктрина политики культурного плюрализма. Государственные бюрократия и экономика, а также агрессивное молодое предпринимательство игнорируют интересы и права малых групп, проживающих в сложных экологических условиях и сохраняющих традиционные системы жизнеобеспечения. Общегосударственные информационные и образовательные системы недостаточно отражают культурное многообразие народов России и установки на толерантное восприятие различных традиций и ценностей.

Наиболее серьезным вызовом для России и ряда других постсоветских государств является этнонационализм в его радикальных и нетерпимых проявлениях. Национальные движения в мирных политических и культурных формах среди народов бывшего СССР сыграли и продолжают играть важную роль в утверждении децентрализованных форм государственного устройства и управления, в сохранении и развитии культурной целостности и отличительности больших и малых народов, в росте общественно-политической активности граждан. Но этнический фактор в ряде случаев стал основой для формулирования программ и действий, а также для пропаганды идей и установок, которые провоцируют нетерпимость, вызывают конфликты и насилие.

Национализм малых народов, будучи реакцией на перенесенные в прошлом травмы и приниженный статус нерусских культур, в условиях социального кризиса, политической дестабилизации и слабой модернизации населения часто обретает агрессивные формы. Это проявляется в попытках узурпировать власть и престижные позиции в пользу представителей одной этнической группы, изменить демографический состав населения путем дискриминации или насильственного изгнания этнических «чужаков», изменить административные или межгосударственные границы, осуществить явочную сецессию, в том числе силой оружия. Вместо улучшения правления и социально-культурных условий жизни крайний национализм предлагает внешне простые, но по сути нереальные реше-

ния, попытки осуществить которые вызывают межгражданскую напряженность и конфликты. В Нагорном Карабахе, Абхазии и Чечне это стало одной из главных причин наиболее жестоких войн на территории бывшего СССР.

Не меньшую угрозу демократическим преобразованиям и социальному миру представляет и растущий национализм гегемонистского типа, формулируемый от имени численно доминирующих народов. В России русский национализм пытается обрести статус общегосударственной идеологии, присвоить идею общероссийского патриотизма и подменить процесс гражданского национал-строительства все тем же нереализуемым лозунгом самоопределения русской этнонации. Экстремистские группы и лица все чаще пропагандируют идеи фашистского толка, антисемитизм и пренебрежение к меньшинствам. Экзальтированная риторика о «вымирании» или «расчленении» русской нации служит узко политическим целям и серьезно осложняет как общественно-политическую ситуацию внутри страны, так и ее отношения с соседними государствами. Эта форма национализма также обусловлена социальным кризисом, политико-идеологической дезориентацией и воздействием негативных последствий глубоких геополитических трансформаций, но от этого она не становится менее опасной.

По причине низкой гражданской культуры, отсталого общественного и мало профессиональной политики общество и государство в России не смогло предложить адекватные ответы на вызовы национализма и экстремизма. Небольшевистский менталитет российской интеллигенции, продолжающей играть гипертрофированную роль «инженеров человеческих душ», оказался способным предложить все ту же стратегию бескомпромиссности, разоблачений и подавления по отношению к проявлениям экстремизма. Или, наоборот, радикально-демократическая интеллигенция романтизировала и солидаризировалась с манипулируемым амбициозными лидерами вооруженным сепаратизмом, представляя его легитимной формой народного волеизъявления и самоопределения. Обе реакции провоцируют защитную агрессивность, неоправданное паблисити для маргинальных групп и психопатических личностей, способствуют рекрутированию новых последователей и активистов экстре-

мизма. *Нетолерантность к нетолерантности порождает новую нетолерантность.*

Государство, создаваемое гражданами для обеспечения социального согласия и преуспевания, также не смогло в сложных условиях глубоких преобразований, смены идеологий и политических элит предложить эффективную политику в сфере регулирования межэтнических отношений. Вместо формулы «единство в многообразии», поощрения местных инициатив и самоуправления, поддержки территориальной и культурной автономии центральные и регионально-республиканские власти продолжают тратить основной энтузиазм на «раздел и делегирование» полномочий, на выработку верхушечных и заведомо неэффективных государственных программ «поддержки и развития» народов и культур.

Государство продолжает делить своих граждан по национальности. Не устранена советская практика определения личностью этнической принадлежности только по кровному принципу. Эксклюзивная принадлежность гражданина России к той или иной культуре усугубляется жесткой связью с официальными категориями «своей» или «не своей» территории и государственности. Поддержка культурного многообразия на коллективном и индивидуальном уровнях и утверждение бесспорного приоритета гражданского начала и прав личности заменяются делением людей по принадлежности к неким коллективным телам под названием «этносы» и наделением их правами в зависимости от этой принадлежности. Это ведет к межличностной и межгрупповой напряженности, к нетерпимости и отчуждению.

С момента Чеченского кризиса в России, а еще ранее — в странах Центральной Азии и Закавказья, а также в Молдове утверждается опасная доктрина легитимного права государственной власти на применение насильственного принуждения, в том числе путем внутреннего использования армии, без надлежащей системы правового и общественного контроля. Легитимное право государства отправлять насилие облегченно трактуется как право должностного лица или лиц масштабно использовать оружие или сугубо в политических целях, или для подчинения вооруженных групп и сампровозглашенных местных режимов.

Вместо политики убеждения, переговоров, изоляции и ограничения доступа к оружию часто делается ставка на бескомпромиссный диктат и победоносную войну. Как правило, это имеет результатом эскалацию насилия, ужесточение конфликта, массовые жертвы и разрушения, потоки беженцев. Все это сопровождается попытками дегуманизировать противника, распространением чувства ненависти среди населения, нарушением всех норм ведения войны, позорными явлениями мародерства и заложничества. Цена, заплаченная за использование властями государственного принуждения путем оружия, оказывается несоразмерной декларируемым целям, а сами эти цели, как правило, оказываются недостижимыми. В этой связи напомним высказывание Бертрана Расселла конца прошлого века: «Утверждение свободы казалось достаточно благородным мотивом, чтобы оправдать насилие. Насилие, когда время пришло, появилось, однако свобода была утеряна где-то по ходу дела». Такой вариант не исключен для посттоталитарных обществ конца XX века.

Вооруженное государственное насилие перерастает в межгосударственные войны или порождает очаги и районы партизанского сопротивления. Эти ситуации становятся объектом геополитических спекуляций, осложняют международную ситуацию, ухудшают внешний имидж постсоветских государств, дают повод для возрождения в мире менталитета и политики времен холодной войны.

В постсоветской политической традиции произошел радикальный прорыв из сферы унитарной идеологии и практики нетерпимости к политическому плюрализму и духовной свободе. Сегодня Россия и большинство других новых государств не могут быть отнесены к странам, где имеют место притеснения свободы слова и интеллектуальной деятельности. Однако политическая либерализация столкнулась с проблемой политической нетерпимости. Отсутствие культуры самоограничения, консенсуса, ответственного гражданского поведения, подчинения закону порождает агрессивную риторику и межличностную вражду в сфере политики. Недостаток толерантности в политике затрудняет строительство партийных коалиций и нормальное осуществление демократических процедур. Политический стиль нетерпимости и низкая мораль политиков, включая коррупцию и правовые нарушения, лишь отчасти обусловлены

прошлым наследием и недостаточным социальным уровнем жизни. Современная политическая нетерпимость — это и результат недостатка опыта и просвещенности, непонимания, что демократия имеет свою цену и издержки, к которым необходимо также терпимое отношение. Постсоветские политические и духовные свободы оказались неспособными принять весь спектр возможных взглядов, убеждения и отношений среди людей и в обществе в целом.

Что касается проблемы религиозного экстремизма, то его проявления не получили распространения в большинстве постсоветских государств хотя бы по причине длительного периода подавления религии вообще и формирования целых поколений неверующих граждан. Лишь в редких случаях религиозный фактор в его экстремистских формах используется в целях политической мобилизации. В этом ситуация радикально отличается от ситуации в таких странах, как Индия или даже Югославия. Но остается проблема возвращения достойного статуса церкви как общественного института и уважения чувств и потребностей верующих. И это одно из важных направлений утверждения культуры мира.

Более того, все мировые религии и верования заключают в себе большой потенциал терпимости и тем самым являются естественными союзниками толерантности. Возвращение религии в постсоветские общества может способствовать развитию чувств и установок на терпимость и ненасилие. Но опасность представляют наметившиеся тенденции со стороны последователей какой-то одной религии и служителей одной церкви обрести статус исключительности или официальности как на общегосударственном, так и на республиканском уровнях. В многоконфессиональной России государство может быть только светским, а возрождение религии возможно только на основе межконфессионального диалога и сотрудничества, как бы не были трудны материальные условия церкви, мечети и дацана и как бы не была сильна между ними конкуренция за новых прихожан.

Стратегия и механизмы культуры мира

Переход обществ от тоталитаризма к демократии будет неизбежно сопровождаться сложными проблемами толерантности старого к новому и нового к старому. Противоречия и конфликтные

формы развития неизбежны для посткоммунистического мира. Глобальный контекст, выраженный в разных формах соперничества, в инерции холодной войны и в быстрых геополитических трансформациях, также не способствует социально-политической стабильности и климату согласия. Уже состоявшиеся войны и конфликты, а также их последствия — жертвы, беженцы и разрушения делают еще более сложным демонтаж старой и новой ненависти и нетерпимости. Однако политике толерантности и утверждению культуры мира нет альтернативы в посткоммунистических обществах. Для их осуществления необходимы ряд начальных условий:

- а) современное знание об обществе и проблеме толерантности;
- б) основанная на этом знании ответственная экспертиза и рекомендации;
- в) гражданская установка и политическая приверженность политике согласия и терпимости;
- г) материальные ресурсы и внешняя поддержка принципов и политики толерантности.

Имеется ряд общественных сфер и направлений политики толерантности, а также конкретных механизмов и программ ее осуществления.

В социальной сфере. Необходимо руководствоваться фундаментальным принципом права человека на справедливый социальный порядок и обязанностью государства обеспечивать приемлемые условия социального существования для всех граждан и стремиться к их материальному благополучию.

Крупномасштабные трансформации форм собственности и хозяйствования не должны сопровождаться резким и массовым снижением уровня жизни, демонстрационной социальной стратификацией, маргинализацией групп населения и их социально-профессиональной дезориентацией.

В рамках программ развития и реформ должны быть сохранены гарантии против безработицы, резкого контраста между нищетой и богатством, явных диспропорций в положении регионов, территориальных и этнических групп и общин.

Должны поощряться успешные индивидуальные и кооперативные проекты и предпринимательство, способствующие сохранению культурного многообразия, социальному миру и устранению при-

чин недовольства, ненависти и насилия, а также последствий этого насилия.

Реформы и становление рыночных отношений уже привели в принижению статуса женщин как участников процесса становления собственников, к резкому увеличению числа детей и молодых граждан, не посещающих школу, к лишению денежных накоплений и даже имущества наиболее уязвимых групп населения. Это вызывает межгрупповую и гендерную напряженность и представляет собою одну из форм проявления нетерпимости на коллективной основе.

Необходимы коррекция реформ и широкие образовательные программы для исправления ситуации.

От советского времени обществу досталось пренебрежение к инвалидам, остракизм лиц с физическими или умственными ограничениями, отсутствие социальных мер и законов, обеспечивающих возможно равный статус этих групп населения и терпимое к ним отношение. Необходимо выделение ресурсов и психологическая работа с населением, чтобы радикально изменить ситуацию. Гуманное отношение к уязвимым и нуждающимся членам общества есть наиболее эффективный путь утверждения климата толерантности.

В сфере государственного устройства и управления. В сложных по составу населения государствах бывшего СССР необходимы объединяющие доктрины и ценности, построенные на приоритете гражданских начал и прав человека, и недопускающие приоритеты партикуляризма и исключительности. Россия и другие постсоветские государства могут состояться как жизнеспособные гражданские нации только на доктрине многокультурности и плюрализма.

Государственные устройства и политические институты должны отражать и гарантировать региональное и культурное разнообразие населения, а также территориальную и социально-экономическую целостность отличительных групп, в том числе через механизмы федерализма и децентрализации власти.

В Российской Федерации и в других посткоммунистических странах должны быть приняты и эффективно исполняться законы, предотвращающие дискриминацию по полу, этнической и религиозной принадлежности, а также обеспечивающие права граждан, принадлежащих к различным меньшинствам. В тоже время сама доктрина меньшинств и некоторые международно-правовые нормы

не могут быть механически перенесены и применяться на территории бывшего СССР, где, с одной стороны, уже достигнут более высокий статус коллективного внутреннего самоопределения, а, с другой стороны, крупные старожильческие группы населения справедливо требуют равнообщинного статуса и не приемлют сами понятия и статус меньшинств.

Все правительства должны разработать сильные политические программы по предотвращению и противодействию всем формам ксенофобии, межгрупповой ненависти, экстремизма. Эти меры могут включать не только механизмы судебно-правовых ограничений и наказаний, но стратегию игнорирования, изоляции и ограничения публичности для экстремистских групп. Будет ошибкой повторять советскую практику преследования инакомыслия, которая в условиях демократии и социально-политических кризисов может вызвать обратную реакцию неоправданной мобилизации и придания значимости сторонникам ненависти и нетерпимости.

Органы государственной власти обязаны осуществлять необходимые меры воздействия и наказания инициаторам и исполнителям насилия, особенно этнических чисток и вооруженных погромов. Ни российские, ни власти других государств пока не справились с этой задачей, а виновники обретают сомнительную славу среди манипулируемых соплеменников, сохраняют высокие посты, пользуются покровительством высших лиц государства. Необходимо срочно распространить процедуру Международного суда по расследованию массовых преступлений на территории бывшего СССР, как это уже сделано в отношении территории Югославии.

Важная специфика постсоветского пространства — это утраченный контроль за огромными арсеналами оружия, которое позволяет превратить нетерпимость и вражду в открытое насилие и войну. Именно фактор попадания оружия, в том числе тяжелого и оружия массового поражения, в руки безответственных политиков и маргинальных элементов позволило организовать войну, конфликты и чистки на территории России и других стран. Необходимы срочные и совместные меры по контролю за доступом оружия гражданскому населению и по его изъятию.

Второе обстоятельство, порождающее нетерпимость, — это безнаказанность и бесконтрольность лидеров, их низкая мораль и

правовая культура. Советский управленческий стиль разносов и человеческого унижения продолжает публично демонстрироваться как с заседаний российского правительства, так и в повседневных общениях чиновников и в более широкой сфере служебных отношений начальников и подчиненных.

В сфере образования и культурной политики. Интеллектуальная элита совместно с соответствующими органами власти и общественными организациями должны разработать простые и привлекательные принципы педагогики толерантности, рассчитанные на все слои общества и возрастные группы, а также предложить учебные тексты и программы как для аудиторий обучения, так и для средств массового воспитания, включая информационные институты.

Большинство классных комнат в России и других странах сегодня представляют микрокосмос культурного многообразия своих сообществ и поэтому нуждаются в новых педагогике и содержании образования, отражающих знание и понимание других народов, их культур и истории, а также понимание общности и единства человеческих сообществ.

Важно прививать молодым поколениям чувства открытости, альтруизма, уважения к другим, солидарности и сопричастности и раскрывать источники и опасности враждебности, неприязни, отчуждения и ненависти.

Ученые и практики образования должны понимать и научить различать симптомы нетерпимости на их ранних стадиях и в неявных формах: это — оскорбительная и пренебрежительная лексика, унижающая людей другой культуры, религии или пола; это — использование негативных стереотипов и обобщающих предубеждений; это — поведенческий остракизм и изоляция; это — коалиции и группировки, построенные по избирательному принципу. Такие явления нуждаются как в открытых осуждениях, так и в настойчивой и умелой профилактике.

Ответственные лица, социальные работники и общественные активисты должны энергично реагировать на опасные проявления нетерпимости в обществе, в том числе в местных общинах, и принимать эффективные меры против таких актов, как преследования и запугивания для выживания с места жительства или изгнания из

организаций и групп, осквернение чужих религиозных и культурных символов и сооружений, насильственное изгнание.

В условиях таких новых явлений, как массовые перемещения людей и беженцы, необходимо проводить разъяснительную работу среди местного населения о характере новожителей, а среди мигрантов и беженцев разъяснять местные традиции и необходимость их соблюдения.

В системе школьного и высшего образования, а также в повестке гуманитарных исследований должны присутствовать исторические экскурсии и оценки вражды и нетерпимости в мире: школьники и студенты должны знать историю и географию геноцидов, расовых и этнических конфликтов, религиозных войн, сегрегации. Однако недопустимы гипертрофированные, обретающие сакральную форму интерпретации только собственного народа или группы как жертвы и страдальца в результате действий других народов. Такая односторонняя проекция вызывает нетерпимость и вражду, ограничивает установки на межкультурные взаимодействия.

Педагогика толерантности должна учить умению анализировать местную ситуацию, обстановку в собственной школе и классе, в семье, а также способности к критическому самоанализу. Педагогика толерантности должна предложить как общие процедуры, так конкретные меры и приемы реакции на нетерпимость и на пути ее устранения или нейтрализации.

В современной системе обучения и воспитания должны присутствовать курсы, разъясняющие природу прав человека и формы проявления нетерпимости. Желательно, чтобы каждый гражданин узнал как можно раньше что означают понятия: расизм, антисемитизм, национализм, фашизм, ксенофобия, сегрегация, этнические чистки, дискриминация по полу, религиозные преследования. Это знание должно сопровождаться изучением местных ситуаций и их оценкой в свете международно-правовых норм и национального законодательства.

Международные аспекты внутреннего согласия

В современном взаимосвязанном мире терпимость и согласие не могут существовать на уровне изолированных обществ: эконо-

мические и гуманитарные связи, геополитические интересы стран и международных корпораций, миграции людей и диаспоры, войны и конфликты, культурно-информационный диалог — все это определяет своего рода глобальный и региональный климат для осуществления программы «культура мира», а также некоторые общие подходы и нормы утверждения терпимости и согласия. Определенные приоритеты и даже требования формулируются международными и региональными организациями государств, неправительственными организациями, уже существующими международными документами и правовыми нормами. В последние годы ООН, ЮНЕСКО, Европейский союз, ОБСЕ и другие структуры и движения внесли большой вклад в разработку этих общих подходов и рекомендаций. Постсоветские государства, в том числе и Россия, становятся частью этого важного процесса.

После длительной изоляции и конфронтации сегодня имеются все основания и потребность вовлечения этого региона мира в общие усилия по утверждению согласия и сотрудничества между народами и государствами. Благоприятный климат и внешняя поддержка трудных трансформаций тоталитарных обществ в демократические — есть обязательное условие для деятельности сторонников открытости и терпимости в России и в других странах бывшего СССР. В свою очередь, новая изоляция и «холодный мир» дают шансы для противников демократизации и пропагандистов гипотетических «заговоров против России» для распространения подозрительности и враждебности к внешнему миру. В постсоветских обществах внутреннее согласие и культура мира могут утвердиться только при условии внешнего содействия процессу открытости, развития всевозможных контактов и донесения гражданам информации о более широком и разнообразном мире. Ряд полезных программ по утверждению демократии и гражданского общества в России уже был осуществлен с помощью европейских институтов, международных фондов и благотворительных организаций, несмотря на критическое отношение к этой деятельности со стороны части российского общества.

Переход к демократии требует соединения двух начал — национальных традиций и отечественного опыта культурных взаимодействий с международными нормами и более полным знанием о

внешнем мире. Материальная поддержка, квалифицированные правовая помощь и другие экспертизы, образовательно-информационные программы и другие формы содействия со стороны мирового сообщества, особенно развитых государств Запада, необходимы и будут приветствоваться политиками и населением России.

Терпимость и согласие в России требуют терпимости и по отношению к России и прежде всего понимания внутренней ситуации и настроений ее граждан. Демократия и основные принципы программы «культура мира» не могут утвердиться через верхушечные декларации и в короткий срок. Возможны рецидивы и реванш прошлого в самых разных формах, включая ностальгию по старым порядкам единоначалия и по бывшему СССР. Как бы не был труден путь к утверждению нового общества, недопустимы, в свою очередь, реванш со стороны бывших воинов холодной войны и той части диаспор, которые инвестировали в прошлом свои эмоции и жизненные силы в борьбу с коммунизмом, и сегодня они с большим трудом принимают неконфронтационные реалии. Есть влиятельные элементы и на Западе, которые хотели бы объявить, что «конец холодной войны также закончился».

Довольно часто западная политика и средства массовой информации формируют образы новых угроз и создают неоправданно негативные стереотипы среди населения в отношении России. Громкие кампании по поводу «русской мафии», «русского фашизма», ядерной контрабанды и т.п. вызывают среди западной общественности реанимацию страха и недоверия, отрицательно влияют на развитие гуманитарных контактов.

Постсоветский мир остается во многих аспектах изгоем в системе мирового сообщества, объектом снисходительного отношения, двойных стандартов и даже попыток диктата. Испытываемый в мире недостаток терпимости и уважения к России может помешать утвердиться терпимости и самоуважению в самой России. Тогда действительно может снова наступить время надменности силы и конфронтаций.

Стратегии противодействия экстремизму

Данный исследовательский сюжет возник в моей повестке сравнительно недавно, но он несомненно связан с темой толерантности. Начало 1999 года в России было отмечено явлением, которое ведущая новостей НТВ Татьяна Миткова квалифицировала как «новая волна антисемитизма в России». В тот момент это выражение относилось к первым дням многократного цитирования на экране заслуживающего, на мой взгляд, уголовного наказания публичного антисемитского высказывания депутата Госдумы А.Макашова. Никто не указал журналистам, что подобное тиражирование преступной фразы есть тоже преступление. Просто мало кто профессионально знаком с тем, что такое экстремизм и каковы методы противодействия ему в зрелых обществах. В этом меня убедило и участие в заседании Комиссии по противодействию политическому экстремизму при администрации Президента США, которое состоялось в начале февраля 1999 г.. Подготовленный проект доклада и его обсуждение, несмотря на важные положения и предложения к действию, страдали недостаточным пониманием проблемы и незнанием уже имеющегося опыта в других странах. Поверхностные дебаты экспертов и неточные заявления политиков обескураживают, хотя речь идет о сложном и очень тревожном явлении.

Экстремизм — это форма радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп. Его причины лежат в социальной дезориентации части граждан, их недостаточном образовании, кризисном состоянии общества, слабых институтах общественного контроля и неэффективной правовой системе. Некоторые формы экстремизма имеют исторические корни, что никак не служит его оправданию. Экстремизм характерен для слабо модернизированных обществ, но от него не застрахованы и страны с благополучной жизнью и демократическим правлением. Достаточно сказать, что в США действует около 500 экстремистских групп, главным образом неонацистского, антисемитского и так называемого «сепаратистского» характера. Плата за демократию, точнее, за право на свободу слова, в этой стране столь велика, что некоторые неонацисты могут десятилетиями заниматься на территории США распространением своей пропаганды по всему миру и подвергнуться аресту только, например, когда оказываются на территории Германии, где действуют более же-

ские законы. В то же время в этой стране действует общественный мониторинг за подобными группами, а власти могут решительно спалить целую общину, которая занимается псевдо-религиозным изуверством, отрицая общество и государство. Правда, в ответ могут появиться новые фанатики-экстремисты и устроить знаменитый взрыв в Оклахоме в 1996 году.

Экстремистские организации, в основном антииммигрантского и неонацистского толка из числа городской молодежи (так называемые скинхеды — бритоголовые) действуют в европейских странах, в том числе казалось бы в спокойной и сытой Скандинавии. Ультра-правые партии и организации, действующие постоянно на грани нарушения закона и норм общественной морали, имеются почти во всех странах, где есть минимальная свобода общественных организаций. Таковых, пожалуй, только нет в странах с диктаторскими и авторитарными режимами, но там право на экстремизм узурпировано самим режимом, как это было и в Советском Союзе. В России современные формы антисистемного экстремизма появились с утверждением основ демократического правления и это есть в какой-то мере тоже результат демократии.

В России нет достаточного опыта противодействия экстремизму и уже совершено много ошибок и глупостей по этой части. Тем не менее делать это можно и нужно без всяких ссылок на состояние дел в стране и умонастроения населения. Хорошая жизнь не есть гарантия исчезновения экстремизма. Наоборот, может появиться больше материальных возможностей для экстремистской пропаганды и деятельности, как это имеет место в США, где Интернет прочно оккупировали разного рода ультра-правые, а свою продукцию печатают на роскошной бумаге. Да и в России, пока юнесковская программа «Культура мира» готовит свои рекомендации для общественного потребления, у других находятся средства чтобы рассовать по почтовым ящикам бесплатно корчагинскую книгу «Еврейская оккупация России». На противоположную литературу в обществе ума и средств не хватает.

Для эффективной стратегии противодействия необходим более точный диагноз самого явления, ибо у него есть особенности в каждой стране. В России нет столь сильного распространения религиозного экстремизма, как, например, в Японии и Индии. Нет откровен-

но антииммигрантских экстремистских групп, как, например, в Германии или Швеции. В России широко распространяется экстремизм ксенофобского толка, основанный на этнорасовой нетерпимости, а также политический экстремизм неофашистского толка, также основанный на идеях группового неравенства и отторжении культурных различий, на пропаганде тоталитарного порядка и ненависти. Именно эти формы имеют достаточную почву и наиболее опасны для страны с многоэтническим и многорасовым составом населения. Хотя расизм может существовать и в обществах, где нет особого расового многообразия. Экстремисты придают расовый смысл даже малейшим и воображаемым внешним различиям граждан. Так, например, клише «лица кавказской национальности» и все, что из этого проистекает мерзкого, в том числе и задержания милицией лиц с темными волосами, это есть расизм, в отправлении которого, к сожалению, участвуют и представители власти.

Формой расизма и ксенофобии является и антисемитизм — враждебная пропаганда и действие в отношении представителей еврейской национальности или в отношении еврейского народа и культуры в целом. В СССР антисемитизм существовал больше на государственном уровне. В современной России от этого удалось почти избавиться, но антисемитизм переключался на общественно-политический уровень и оказался в арсенале не только маргинальных групп, но и заметных политических сил и экспертных групп. Хотя со времен Горбачева авторитетные службы общественного мнения фиксируют снижение антисемитских настроений в обществе (отчасти, их заменили антикавказские фобии), а случаев физического насилия при радикальном ослаблении правопорядка также не фиксируется (за исключением взрыва московской синагоги и надругательств над еврейскими захоронениями), тем не менее ситуация самого последнего времени стала ухудшаться. Отчасти, — по причине резкой актуализации этой проблемы, а значит и ее пропаганды (хотя и в форме отрицания и осуждения), через средства массовой информации. Многие журналисты никогда не согласятся, что именно они могут стать причиной «новой волны», но это так. Ибо акт речи способен вызывать реальность, а тиражированные слова могут стрелять сильнее пули.

По этой причине *важнейшей стратегией противодействия экстремизму должна быть политика отказа в публичности*. На экранах телевизоров и в печати не должны появляться и цитироваться не только теоретики и активисты экстремизма, но и сообщения на эту тему должны носить строго дозированный и целенаправленный характер без пересказа аргументов и показа «как это можно делать». В большой стране всегда найдутся параноики и неустойчивые элементы, которые воспримут теледемонстрацию парада баркашовцев в Москве, как приглашение к подобному действию. Если трансляции истории с Макашовым и с баркашовцами увеличили, а не уменьшили число их сторонников в стране (а это наверняка так и есть), тогда мое замечание в адрес СМИ и предложение являются бесспорными и с ними нужно согласиться.

В доказательство приведу еще один давний пример: громкий суд над активистом «Памяти» Осташвили помог этой организации удвоить свои ряды, хотя покойный Осташвили скорее всего нуждался в медицинской помощи психиатра. Среди экстремистов гораздо больше клиники, чем среди остального населения. И об этом тоже нужно знать. На уголке ораторов в лондонском Гайд-парке добрая половина выступающих — это пациенты психиатров, но они там гужуются без права публичных трансляций своих слов уже целое столетие, если не больше. Какие еще нужны аргументы, чтобы известные журналисты, как Павел Лобков, не гонялись с микрофоном за Макашовым?

Следующей стратегией противодействия является *образование и просвещение граждан по части культурного многообразия и единства жителей страны и мира, истории нетерпимости, геноцида и других преступлений, которые принес людям экстремизм*. По этой части у нас дела обстоят неважно. Иступленный поиск культурной уникальности, «национальных» характеров и психологий, глубоких исторических корней и «исторических несправедливостей», внешних врагов и прочее приводит к ужесточению разделительных линий между гражданами одного государства. Хорошие, но недостаточно образованные журналисты, как Игорь Воеводин, ищут по России «исчезнувшие» или «вымирающие» народы и заставляют невинное дитя, который хочет быть «ленинградцем», выучивать перед телекамерой, что «я — русский».

Российский народ имеет гораздо больше общих культурных и исторических ценностей и социальных норм, чем различий между гражданами по причине их этнической принадлежности. Уровень повседневного взаимодействия людей в многоэтнических сообществах и коллективах (включая семейно-родственные) на порядок выше, чем среди представителей политических и интеллектуальных элит, которые никак не могут даже выговорить слово «российских народ» и «россияне». А уж чеченцы для них — это вообще этнографический реликт с некими военной демократией, тайповой (родоплеменной) социальной организацией и законами адата и шариата. Хотя современные чеченцы жили и живут по тем же советским и российским законам и носят российские паспорта, не желали их обменивать на дудаевские или какие-либо другие.

Экзотизация этнических общностей и придание этничности фундаментального характера чреватой дальнейшей разобщенностью граждан. Именно это создает фундамент для стереотипов и ксенофобии. Если в части российских школ детей начинают учить прежде всего что значит быть «настоящим якутом» или «настоящим татаринном», и не слова, что значит быть россиянином и ответственным гражданином своей страны, такая национальная система образования является несостоятельной. У нас же до сих пор живет советское клише, по которому «национальная школа» — это не общероссийская, а «адыгейская», «башкирская», а теперь и «русская» и т.д.

В некоторых школах недавно стала использоваться нарядно изданная книга Альбедиль «Народы мира» (1997), в которой излагаются замшелые, питающие расизм взгляды и представления. Глава «Какого цвета бывают народы» содержит вопросы к ученикам «определите свой расовый тип» и подобную чепуху. Современная наука отказалась использовать расовую типологию для изучения и описания биологического разнообразия людей. Тем более — народы не имеют расового типа. С этого разглядывания школьниками друг друга и начинается расовое мышление, а вслед за ним могут формироваться расистские взгляды. Школьные и вузовские программы и тексты за последние годы напичкались паранаучными положениями и ненавистническими интерпретациями прошлого. В одном городе или даже школе учебники истории в зависимости от языка могут содержать противоположные версии событий, восхвалять и клей-

мить одних и тех же культурных героев. К этому добавляется зуд сносить или восстанавливать памятники, переименовывать улицы, менять символику. Только лишь бы обозначить «свое» исключительное, а не общее — будь оно славным или трагическим.

Образование, не только молодежи, но и взрослых, должно включать точную и подробную информацию об истории мировых геноцидов, антисемитских погромов и сталинских репрессий, но оно не должно позволять превращать прошлую коллективную травму в предмет сакрального значения и питать идеи реванша и «исправления прошлого» за счет новых несправедливостей. Современный экстремизм питается не только прошлым, но и новыми мифами и политическими спекуляциями. Одна из них — намеренно апокалиптическая оценка жизни и событий в стране за последние годы в целях борьбы за власть. От Явлинского до Зюганова, а также каждому новому правительству не может быть признаны те бесспорные и позитивные перемены, которые произошли в России.

Стараниями политиков и плохих обществоведов в стране царит риторика жалоб, разжигающая ненависть и экстремизм. Ненависть нуждается в адресате и его находят в «евреях», «кавказцах», «антипатриотах», «западниках» и прочее. Некому сказать спокойные и точные оценки и некому вселять в людей конструктивные эмоции. Эмоции, как и слова, — это огромная сила. Если они направлены на энтузиазм с целью достичь нового результата и расширить кругозор действий — это действует против экстремизма. Эмоции, направленные на достижение наказания за что-то, на борьбу с врагом, — это уже один шаг до радикального экстремизма, в том числе и насилия.

Следующая стратегия — это общественный мониторинг экстремизма, его профилактика и нейтрализация на массовом, низовом уровне. Если в классе учителя не реагируют на обидные клички этнического содержания, появившиеся среди детей и подростков, и не знают как этому противодействовать, то это плохо. Если родители или преподаватели училища не замечают и никак не реагируют, что молодой человека сбрил волосы на голове и стал носить черную одежду, а у его кровати появились портреты разных фюреров, то это уже очень плохо. Если взрослые жители и общественные организации не могут остановить появление на улице молодежных групп со свастикой и спокойно смотрят как у их дома продают расистскую

литературу, то это уже беда. Если чиновники или другие владельцы помещений сдают помещения для собраний подобных групп, а владельцы типографий готовы печатать все, за что платят, то это есть соучастие в преступлении.

Общество само должно мобилизовать свои ресурсы на противодействие экстремизму, понимая, что его жертвами будут не евреи, цыгане, азиаты и прочие, а все граждане. Для этого нужны не столько разовые акции в роде антифашистских конгрессов, а массовые и одиночные действия самого низового характера. Нельзя проходить мимо нарисованных свастики без всякой активной реакции, а тем более бояться подать в суд или выступить экспертом по делам против разжигания розни и оскорбления достоинства. В России слишком мало общественных советов и групп, которые вели бы подобную работу квалифицированно. Только в Москве действует фонд «Панорама» и издается журнал «Диагноз», но им нужна поддержка и квалифицированная помощь, чтобы не устраивать дополнительную рекламу экстремистам, роскошно публикуя их биографии, программы и адреса.

Профилактика и нейтрализация экстремизма нуждаются в поднятии моральной планки по поводу того, что допустимо и что нет в обществе, когда речь заходит об этнической или религиозной принадлежности и практике граждан. Недопустимо было для газеты «Известия» несколько лет тому назад сообщать о ходе первого судебного процесса с участием присяжных, называя фамилии судьи, прокурора и подсудимых, но указывая при этом национальность только последних участников процесса — цыгане. Я жалею, что тогда лет шесть тому назад не подал судебный иск на газету за разжигание национальной розни, ибо только наша общая атрофия восприятия этнорасовых сюжетов могла допустить подобное. Это мог бы быть полезный урок, причем не столько уважаемым «Известиям», сколько другим газетам, которые со временем стали спокойно помещать материалы и заголовки типа «Цыгане убили детей», «Неустановленные лица кавказской национальности застрелили банкира» и т.п.

Грязный язык СМИ мало кем отслеживается, а уж тем более наказывается. Только этим можно объяснить залихватские спортивный репортаж с хоккейного турнира олимпийских игр в Японии:

«Сегодня наши должны были порвать казахов... Азиаты еще сопротивлялись в первом периоде». Слово «казахстанцы» комментатор еще не выучил, а то, что в команде этой страны играли почти все игроки-славяне, он просто не заметил. Ничем не лучше яркая (что еще хуже!) публицистика Валерии Новодворской, допускающая вызывающие пассажи, что «русскому народу место у параша». Расизм и ксенофобия берутся и транслируются из подобной языковой развязанности.

Поэтому поднять планку должно прежде всего само общество, его элита, экспертное сообщество. Ведь прежде чем некто Шишкин в профашистской газете начинает разъяснять антисемитские басни про разные «ксении» и «химеры», которые проникают в тело этноса и пожирают его, все это миллионными тиражами уже издано и продолжает издаваться в трудах Льва Гумилева. Почти вся экстремистская литература прибегает к ссылкам на более солидные издания и авторов, у которых часто те же аргументы, но только в псевдонаучных формах. Нужны серьезные разговоры и конференции среди экспертов и публицистов на эту тему с выводами научного, морального и административного воздействия.

Возможны и необходимы меры общественного воздействия и нейтрализации в отношении и тех, кто уже «вне системы». Разные листки и газетенки, а также и группы возникают робко и крепнут, не получая отпора, а, наоборот, встречая реакцию «святой простоты» или даже поддержку. Если вместо этого серьезные и образованные люди найдут время и силы заняться переубеждением, если они смогут предложить некоторым активным «писателям» и «теоретикам» экстремизма серьезные контраргументы и альтернативные интеллектуальные занятия, число рекрутов в эту среду явно станет меньше. Нельзя занимать позицию, что эта часть граждан — одна только мразь и прирожденные подонки и всех их не только газетой по голове, но и «убить мало». Экстремистами не рождаются, ими становятся. И мы все в чем-то за это несем ответственность.

Отсюда вытекает еще одна стратегия — политика инкорпорации (включения) несистемных экстремистов в более цивилизованную среду, а лидеров-активистов — в, условно говоря, истеблишмент. Ранний Жириновский и его окружение безусловно представляли собою внесистемный экстремизм и до сих пор некоторые дер-

жатыся обета не подавать ему руки и считают его фашистом. Но сегодняшний лидер ЛДПР, когда он в спокойном психическом состоянии, проявляет ответственность и умеренность. Не пробейся он в истеблишмент, не известно какова бы была эволюция его последователей. Сегодня же мы имеем далеко не самый худший вариант, контролируемый и даже популярный. Возможна подобная метаморфоза и с другими, ибо истеблишмент комфортен и лучше вознаграждает. На виду и при деле быть лучше, чем отираться по подмосковным закоулкам. Антисемитизм и другую ксенофобию в голову вбить легче, чем избавиться от нее, но все равно это возможно.

В этой же связи нельзя исключать необходимость диалога, в том числе и антиподов или заклятых ненавистников друг друга. В США одной из рекомендаций специалистов по устранению антисемитизма черных американцев, среди которых он сильнее всего распространен, был призыв к лидерам еврейских и негритянских общин и активистов больше практиковать прямых диалогов и контактов, ибо без этого остальному обществу справиться с проблемой очень трудно. Готовы ли к чему-то подобному россияне?

Теперь о самой важной стратегии государственного воздействия, в том числе правового преследования экстремизма, особенно в тех его формах, которые уже по закону должны наказываться. В головном кодексе РФ есть статьи, предусматривающие наказание за разжигание межнациональной и межрелигиозной розни и за оскорбление национальной чести и достоинства. Статьи сформулированы плохо, ибо нужно подвергать наказанию не за смутно понимаемые даже учеными, что есть «национальная честь», а за разжигание (подстрекательство), умышленное или неумышленное, любой формы межгрупповой розни среди граждан и(или) за осуществление насильственных действий на этой основе. Что касается «национальной чести и достоинства», то, видимо, речь должна идти об оскорбительных словах и действиях в отношении тех ценностей, норм и представлений, которые коллективно почитаются представителями той или иной общности (народа, верующей общины) и оскорбление которых наносит безусловный моральный ущерб представителям этой общности.

Но даже в нынешней форме, как показал мой опыт участия в экспертизе по судебным делам Безверхова и Максимовского, закон

может и должен работать. Причем, работать последовательно и настойчиво и по всей стране, а не просто в виде показательного процесса с шумной прессой и опять же негативной рекламой. И здесь главное, как мне представляется, неготовность нашей судебной системы, имея в виду прежде всего работающий в ней человеческий материал. На мой и моих коллег, подписавших экспертизы, взгляд, называть печатно христианство «жидовствующей ересью» или евреев — «унтерменьшами», а цыган — «ублюдками» — это безусловный криминал, требующий наказания. Но каковы знания и представления рядовых прокуроров, судей, судебных заседателей, если они сами многие мыслят на уровне бытовых стереотипов? Здесь нужны простые и убедительные памятки и справки, нужны семинары и профессиональные побуждения. Можно направить за рубеж ведущих и рядовых работников правоохранительных органов или пригласить коллег-специалистов из-за рубежа для того, чтобы воспринять имеющийся опыт в таких странах, как Германия, США, Франция. Нужна особая учеба и пособия для юридических институтов, для школ МВД и многое другое, чтобы переломить ситуацию в правоохранительных органах.

Государство несет главную ответственность за противодействие экстремизму, и оно должно инициировать все необходимые меры и осуществлять необходимые действия по защите общества. Но и общественности пора прекратить беспомощные завывания. Все это заканчивается стыдными для страны и нами же спровоцированными резолюциями международных организаций и иностранных парламентов с одной только целью унижить и наказать Россию.

¹ См.: Резолюция ООН по объявлению Международного Года толерантности. Democracy and Tolerance/ Proceedings of the International Conference, Seoul, Republic of Korea, 27-29 September 1994/. Seoul, 1995, pp. 221-224.

² Там же. С. XI.

³ Толерантность и согласие: Материалы международной конференции «Толерантность, взаимопонимание и согласие». Якутск, июнь 1995 г. Отв редактор В.А.Тишков, М., 1997.

⁴ Культура мира и демократии. Учебное пособие. Отв. редактор А.О.Чубарьян. М., 1997.

---

⁵ Webster's New World Dictionary. N-Y., 1988, p. 1407.

⁶ Советский энциклопедический словарь. М., 1987, с. 1341.

⁷ Kathinka Evers. On the Nature of Tolerance. Paper prepared for the International Conference on Democracy and Tolerance. Seoul, Korea, 27-29 September 1994, p. 18.

⁸ См.: Социальные и культурные дистанции. Опыт многонациональной России. Отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 1998.

⁹ Российская газета, № 144, 04.08.98

¹⁰ Об этом подробнее в: М. Н. Губогло. Переломные годы. Том 1. Мобилизованный лингвизм. М., 1993.